

Фан Лэчэн, выглядевший озадаченным, вдруг вскрикнул, ужаснувшись собственной мысли:

— Ши сюн, неужели этот юноша сам является злым духом?

Лу Ланьцзун усмехнулся, легким движением встряхнул метелку и сказал:

— Нет, это не так. Пойдем, разберемся с этими непрошеными гостями.

Люди из дома Сюй уже разошлись. Хуа Чжаошуй, измученный за утро, весь покрылся холодным потом. Он принял ванну, переоделся и наконец сел за долгожданный завтрак.

Шэн Цзяньвэй, увидев его, обнял за талию и спросил:

— Все в порядке?

Хуа Чжаошуй кивнул, прикоснувшись к своей груди:

— Только что было так больно, но даос применил какой-то метод, и вдруг все прошло.

— Главное, что больше не болит, — Шэн Цзяньвэй усадил его к себе на колени. — Ты меня замучил.

Хуа Чжаошуй улыбнулся, обнял его и поцеловал в щеку:

— Даос сказал, что эта вещь может привлекать злых духов, но он ее запечатал, так что теперь все должно быть в порядке.

Шэн Цзяньвэй усмехнулся:

— Боишься?

Хуа Чжаошуй кивнул:

— Господин, когда мы сможем вернуться?

— Скоро. Как только отправим эту партию груза, сразу поедем.

Хуа Чжаошуй не совсем понял, но кивнул. Ему почему-то казалось, что господин под прикрытием своих дел занимается чем-то темным. Но спрашивать он, конечно, не осмеливался, поэтому покорно продолжал завтракать.

После долгого молчания Хуа Чжаошуй вспомнил еще одну вещь:

— Господин, когда я шел в ванную, кто-то спросил, не слишком ли вы строги. Откуда они знают, что вы... ну, почему они так спрашивают?

Шэн Цзяньвэй бросил на него взгляд:

— Ешь свою еду.

В последние дни Шэн Цзяньвэй явно стал свободнее, больше не проводил все время на встречах и даже взял Хуа Чжаошуй с собой на прогулку. Хуа Чжаошуй был здесь уже неделю, но ни разу не выходил гулять. Господин всегда брал его с собой, но не позволял бродить где попало, и ему приходилось ждать, что было невыносимо.

На рынке Хуа Чжаошуй был словно птица, вырвавшаяся из клетки, полный радости. Господин купил ему не только любимые сладости, но и маленькие игрушки, вроде деревянной механической птички и сахарных картинок.

Шэн Цзяньвэй наблюдал, как тот играет с птичкой: тыкнешь — она кивает, еще раз — и она неуверенно шагает по его ладони. Эта простая игрушка занимала его уже давно. Наконец Шэн Цзяньвэй не выдержал:

— Неужели это так интересно?

Хуа Чжаошуй поднял на него глаза, ненадолго оторвавшись от птички, и смущенно сказал:

— Я никогда не видел таких вещей, они кажутся мне удивительными, и я не могу не играть с ними.

— Если тебе так нравится, давай купим настоящую птицу, будешь за ней ухаживать.

Хуа Чжаошуй, вместо того чтобы обрадоваться, поспешно замахал руками:

— Настоящих птиц я видел, дома я их часто кормил, не нужно специально покупать. Да и держать их в клетке жалко, некоторые птицы не могут жить взаперти, без свободы они умирают.

Эти слова почему-то задели Шэн Цзяньвэя, и он тихо фыркнул:

— Если тебе жалко птиц в клетках, пожалей лучше себя.

Хуа Чжаошуй, почувствовав неладное, сразу потерял интерес к игре, нервно сжал деревянную птичку в руке и попытался объяснить:

— Господин, я не имел в виду ничего плохого. Раньше я видел таких птиц, они отказываются от еды, если их поймают. Конечно, есть и те, кто не делает этого, я просто сказал это без задней мысли.

Сказав это, он украдкой взглянул на господина, осмелился взять его за руку и сказал:

— Господин, я плохо выражаюсь, не сердитесь на меня.

Шэн Цзяньвэй сжал его руку в ответ, посмотрел на него и сказал:

— Тогда давай купим одну сейчас, будешь держать ее в комнате. Выберем ту, что хорошо поет.

Хуа Чжаошуй, напуганный его взглядом, покорно кивнул:

— Как скажете, господин.

В итоге они купили жаворонка, поместили его в бамбуковую клетку, и Хуа Чжаошуй забрался с ней в карету. По дороге птица не издала ни звука, и Хуа Чжаошуй несколько раз с беспокойством посмотрел на нее, убедившись, что она просто не хочет петь, и успокоился.

Шэн Цзяньвэй взглянул на него, взял сложенный веер и через прутья клетки начал дразнить птицу:

— Нравится? Довольно красивая.

Хуа Чжаошуй кивнул, но с некоторым беспокойством:

— Нравится.

Шэн Цзяньвэй поднял на него глаза, улыбнулся и легонько ткнул веером в его щеку:

— Мне кажется, ты немного сомневаешься.

Не дожидаясь ответа, он продолжил:

— Некоторые птицы созданы для того, чтобы оставаться в клетке всю жизнь. Если они попытаются вырваться на свободу, первое, что их встретит, — это стрелы, а не свобода.

Хуа Чжаошуй не осмелился ничего сказать, опустил голову и посмотрел на птицу в клетке, их взгляды встретились.

— Почему ты стал актером в нашем доме?

Хуа Чжаошуй был ошеломлен этим вопросом, с тревогой поднял на него глаза и осторожно ответил:

— Потому что... платили больше.

— И что? Копил деньги, чтобы выкупить себя? — Взгляд Шэн Цзяньвэя был подобен острому клинку, испугав Хуа Чжаошуй. Тот беспомощно пошевелил губами, но так и не смог ничего сказать.

Шэн Цзяньвэй усмехнулся:

— Жаль, но я люблю держать то, что хочу, в клетке. Даже если они отказываются от еды, они умрут в моей клетке.

— Понял? — Шэн Цзяньвэй снова легонько хлопнул его по щеке, и Хуа Чжаошуй, бледный как полотно, только покорно кивнул.

Жаворонок в клетке вдруг запел, и Хуа Чжаошуй с пустотой в сердце посмотрел на него, подумав: «Лучше бы ты не пел, все равно останешься здесь».

Они вышли из дома в хорошем настроении, но вернулись с мрачными лицами. Хуа Чжаошуй держал в руке деревянную птичку, но его глаза были прикованы к живому жаворонку, и на его лице явно читалось недовольство.

Подошел слуга из их двора и сказал:

— О чем задумался? Твой господин сказал, что завтра мы отправляемся домой, пойди собери свои вещи.

— А как же эта птичка? В долгой дороге она может умереть.

— Тогда не будем брать ее с собой, — вдруг сказал господин, только что вошедший в комнату.

Хуа Чжаошуй быстро поставил клетку на пол:

— Господин, мы оставим ее здесь?

— Отдадим господину Сюй, пусть он за ней ухаживает.

Слуга подошел и взял клетку, пока господин не видел, шепнул Хуа Чжаошую:

— Не переживай, я позабочусь о ней.

Но настроение Хуа Чжаошуй стало еще хуже, он только кивнул.

Шэн Цзяньвэй сидел в стороне, наблюдая, как тот без энтузиазма собирает вещи, и спросил, зная ответ:

— Что случилось? Ты сам сказал, что не хочешь ее, а теперь, когда мы ее отдали, ты все равно недоволен?

Хуа Чжаошуй обернулся к нему, впервые показав что-то кроме покорности и страха.

Но он ничего не сказал, только некоторое время смотрел на лицо господина, затем опустил голову и произнес:

— Жаль, что я не успел услышать, как она поет.

— Правда? Мне кажется, в твоих глазах написано не это.

Хуа Чжаошуй опустил голову, руки его безвольно повисли, и он спросил:

— А что же написано в моих глазах?

Шэн Цзяньвэй подошел к нему, поднял его подбородок, заставив посмотреть в глаза, и сказал:

— Думаю, ты говоришь, что сам похож на эту несчастную птичку.

В глазах Хуа Чжаошуй мелькнуло удивление, он быстро моргнул, но промолчал.

Шэн Цзяньвэй вдруг засмеялся:

— Знаешь, что сказала мне госпожа, когда я забрал тебя? Она сказала, что ты хочешь уйти из дома Шэн, и попросила не подпускать тебя слишком близко.

Он сделал паузу, его взгляд стал пугающим:

— Но раз уж ты здесь, без моего разрешения ты никуда не уйдешь.

Хуа Чжаошуй непроизвольно сглотнул, затем дрожащим голосом сказал:

— Господин ошибается. Моя мама хотела, чтобы я ушел, она не хотела, чтобы я всю жизнь был слугой. Я стал актером, потому что она сама этим занималась, а дополнительные деньги я отдавал ей, чтобы помочь семье. Таких денег недостаточно, чтобы выкупить себя.